

М. В. Шиловский

ПАТРИОТ СИБИРИ

(к 160-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева)

Н. М. Ядринцев

Практически вся жизнь этого человека была тесно связана с родной Сибирью и Тюменским краем. 18 (30) октября 1842 г. в Омске у купца, уроженца Перми, Михаила Яковлевича Ядринцева и его жены Февронии Васильевны родился сын Николай. Глава семейства, самоучка по образованию, представлял приятное исключение среди западносибирского купечества того времени своими культурными запросами. «Отец мой отличался умом и любил литературу, — вспоминал Н. М. Ядринцев. — Он имел порядочную библиотеку и выписывал все новые книги»¹.

Летом 1843 г. семья Ядринцевых переехала в Тобольск. «У отца бывало лучшее общество Тобольска, он был знаком с декабристом Анненковым, Свистуновым и другими, но особенной дружбой пользовался барона Штейнгеля»², с которым долго состоял в переписке после высылки его в Тару. В Тобольске семейство прожило четыре года, «а затем отец переехал в Тюмень управлять также частными делами по откупам. Переезд этот по зимней дороге я помню хорошо. В Тюмени мы поселились в богатом купеческом доме, все купечество с нами было знакомо. В четыре года, прожитые в Тюмени, у меня осталось более воспоминаний»³. Впечатления от тюменской жизни, нравах местных купцов послужили впоследствии основой для серии фельетонов Николая Михайловича, в которых под именем тюменского купца Кондрата выводился обобщенный образ сибирского буржуа периода первоначального накопления.

В 1851 г. семья последний раз переехала в Томск. Окончив шесть классов местной гимназии, Ядринцев поступил вольнослушателем в Петербургский университет. Вместе с другом и единомышленником Григорием Николаевичем Потаниным организовал и возглавил сибирский земляческий кружок (1861-1863). Осенью 1863 г. возвратился в Сибирь (Омск, Томск). В мае 1865 г., вместе с другими областниками, был арестован и привлечен к дознанию по делу «Об открытии виновников в распространении в Сибири противоправительственных прокламаций». В феврале 1868 г. Сенатом приговаривается к 12-ти годам каторжных работ, замененных ссылкой в Архангельскую губернию (г. Шенкурск). В декабре 1873 г. был помилован и поселился в Петербурге.

¹ Ядринцев Н. М. Детство (1894) // Литературное наследство Сибири (ЛНС). Новосибирск, 1979. Т. 1. С. 257.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 254.

В 1876-1881 гг. служил чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Западной Сибири Н. Г. Казнакове. С 1882 по 1894 гг. редактировал основанную им газету «Восточное обозрение». Совершил ряд экспедиций на Алтай и в Монголию. Всю сознательную жизнь занимался комплексным изучением Сибири, опубликовав несколько монографических исследований и более двухсот статей, посвященных истории и современному положению региона.

Не терял контактов с Тюменским краем наш герой и в это время. Постоянно переписывался с корреспондентами «Восточного обозрения», получил оперативную информацию о местной жизни и соображения о перспективах развития региона и России в целом. Неизвестный нам автор из Тюмени в одном из писем к Николаю Михайловичу (1874) следующим образом сформулировал свое видение ситуации: «Тюмень, как и вообще уездные города Тобольской губернии, крайне небогата людьми. Только с пробуждением крестьянства может развиваться гражданская жизнь, а на горожан нечего рассчитывать: это кулаки. Не все, но сила в их руках. Все дело за маленьким: образованием народа, а оно, по скудости жалованья, находится в таких руках, что утешения не имеем»⁴. Хорошо знал Ядринцев и «отца» сибирского маслоделия А. Н. Балакшина, который раскрыл ему глаза на проблему коллективистских представлений местных крестьян в сфере сельскохозяйственного производства. В письме от 24 июля 1892 г. из деревни Старо-Сидорово Тюменского уезда он делится своими соображениями по этому поводу: «Я ничего не имею против общественных запасек, но думаю, что они не привьются и толку из них не выйдет никакого, здесь первый опыт показал, что крестьяне желали каждый лично извлечь из них пользу и только давлением чиновников по крестьянским делам удалось их сделать общественными»⁵.

Но, пожалуй, наиболее значимым деянием Н. М. Ядринцева, до сих пор слабо изученным и не оцененным, является его участие в борьбе с голодом и эпидемией холеры на юге Тобольской губернии в 1891 г. В результате жаркого и засушливого лета кобылкой было истреблено более 350 тыс. десятин посевов. Начавшаяся голодовка усугубилась эпидемией холеры, которую принесли с собой хлынувшие в этом году за Урал массы крестьян-переселенцев. Первые случаи заболевания обнаружались в июле 1891 г. в пересыльных бараках Тюмени. Всего холерой заболело 29876 чел., из них 14117 умерло⁶.

Получив в Петербурге первую информацию о бедствии, Николай Михайлович уговорил сибирских миллионеров И. М. и А. М. Сибиряковых пожертвовать значительные денежные средства, на которые был организован санитарный отряд из студентов-медиков, врачей и фельшериц во главе с П. Г. Сущинским, обосновавшийся в Тюмени на переселенческом пункте⁷. Сам Ядринцев осуществлял общее руководство отрядом и продовольственным обеспечением переселенцев. Как вспоминал участник этой эпопеи Д. М. Головачев,

⁴ Государственный архив Красноярского края. Ф. 217. Оп. 2. Д. 8. Л. 25.

⁵ Там же. Л. 146.

⁶ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / Под ред. В. В. Коновалова. Тюмень, 2000. С. 360.

⁷ Головачев Д. М. Ядринцев и переселенцы 1891 г. // Сибирский вестник (Томск). 1904. 8 июня.

«устроивши молодежь в Тюмени и направивши дело, Ядринцев двинулся далее в глубь Тобольской губернии, туда, где голодали сибиряки-старожилы. Там, в Курганском, Ишимском и Ялуторовском уездах, в некоторых местах были организованы столовые и амбулатории на средства Сибиряковых, лечила и кормила голодающих та же молодежь, как и в Тюмени. И здесь Н. М. оказал ту же помощь своими организаторскими способностями, также поддержав своим живым словом, своей энергией одиноких борцов, заброшенных среди моря нужды»⁸.

Уже в 1960-е гг. XIX в. Н. М. Ядринцев подошел к пониманию специфики положения Сибири в составе российского государства как колонизируемой (осваиваемой) окраины. Первоначально «община Ермака указала дорогу переселенцам. Народ кинулся толпами в новую землю, как убежище от разных притеснений в царствование Иоанна Грозного, впоследствии от невыносимых немецких реформ Петра. Народ бежал, чтобы избавиться от притеснений воевод, от официальной приписки к городам, от тяжелой подати и бюрократизма. Раскольники шли сохранить свою веру в скитах, промышленники — добыть мехов, торговцы — свободно торговать с сибирскими инородцами. Эти побуждения, руководившие народом, показывают самобытное народное стремление и чисто народный взгляд на Сибирь, как на страну, где должны развиваться самобытно и свободно народно-славянские силы», — писал он в 1865 г.⁹

Вольнонародная колонизация в сочетании с природными богатствами заложила прочную основу не только для быстрого развития региона, но и всей России. Но эти возможности не привели к развитию производительных сил Сибири, повышению благосостояния населения. Более того, «через двести с лишним лет мы видим в стране малочисленное население, разбросанное на громадном пространстве, только что удовлетворяющее своим первым потребностям, довольствуясь мелкой промышленностью. Мы видим бедные городки, разоренные возмутительными насилиями и грабежами наездных воевод и злоупотребляющих властью губернаторов»¹⁰.

В 1870-1890-е гг. XIX в. Ядринцев вместе с другими областниками занялся обобщением трехсотлетнего опыта освоения региона русскими и взаимодействия их с аборигенами. Под воздействием их и природно-климатических условий «на Востоке слагается новый этнографический тип». При этом сибиряк «считает себя русским, а на русского поселенца смотрит, как на совершенно чужого ему человека и сомневается в его русской национальности»¹¹. Дальнейшая разработка проблемы социально-экономического развития Сибири получила отображение в двух изданиях (1882, 1892) фундаментального труда Ядринцева «Сибирь как колония».

Особое внимание он обращал на формирование элементов гражданского общества в сибирских городах и процесс культурной социализации местного купечества. В серии фельетонов, в которых, как указывалось выше, выведен обобщенный образ тюменского предпринимателя Кондрата, Николай Михайлович про-

⁸ Ядринцев Н. М. Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. 1865. 5 марта.

⁹ Там же.

¹⁰ Ядринцев Н. М. Русская народность на Востоке // Дело. 1875. № 4. С. 170, 177

¹¹ Ядринцев Н. М. Кондрат на поприще литературы // Восточное обозрение. 1883. 11 авг.

следил во всех ракурсах процесс формирования и деятельности этого слоя сибирского общества. С сожалением он констатирует слабую включенность буржуазии в общественную жизнь региона, незначительность их вклада в социальную сферу. В 1883 г. Ядринцев замечает: «Слава отечества ему (Кондрату – М. Ш.) представлялась по-своему. Это слава огромного лабаза во главе с чумазым, прогресс в виде грабежа, прерываемого для оживления, революциями, злостными банкротствами; ум в наживании грошей, мужество в бесстыжих глазах, добродетель в прощении безнадежного долга, самопожертвование и подвиг в постройке приюта после 25-ти лет грабежа»¹².

Вслед за Г. Н. Потаниным наш герой развитие Сибири ассоциировал с общиной и уже с ее помощью установление более справедливого общественного строя. «Община может не только выполнять экономическую роль, но и создать самую здоровую интеллигенцию края и образовать народный капитал в стране. Для этого необходимо призвать ее вновь к жизни, которая в ней замерла от бюрократической зависимости и недостатка коллективного труда» – пророчествовал один из идеологов областничества¹³.

И вдруг в 1891 г. в Женеве издается памфлет Ядринцева «Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад» – работа, близкая по духу «Философическим письмам» П. Я. Чаадаева и представляющая апокалипсическое прорицание краха императорской России. Он анализирует геополитическое положение и внутреннее развитие государства в XIX в., акцентируя внимание на правлении Александра II и III, давших импульс бурному развитию рыночных отношений. «Было время, – начинает памфлет автор, – когда Россия казалась Европе каким-то колоссом, который ее удивлял и устрашал. Что-то грозное, загадочное казалось ей на Востоке европейского мира и на границе азиатского. Это нечто все более и более разрасталось, и, казалось, конца не было расширению его владений. Точно так же для Европы был загадочен и своеобразен склад этого народа, начавшего формироваться в большое политическое тело... Ее развитие казалось оригинальным и настолько своеобразным, что можно было допустить предположение, что цивилизация здесь получает особое проявление и европейский идеал, слившись с этими формами, даст неожиданные плоды»¹⁴. Надежды на историческое призвание России подпитывались общинным поземельным бытом, который «как бы осуществлял уже формы европейского социализма», и молодостью российского суперэтна, «обнаружившего западные симпатии»¹⁵.

В действительности же после освобождения крестьян в деревне проявилась социальная дифференциация, пауперизация, и «община на экономическом пути не сделала прогресса, она дальше от ассоциации, чем европейский крестьянский мир». «Азиатские владения: Туркестан, Амур и Забайкальские приобретения дают государству убыток и обессиливают его бюджет». Наконец, «была вера

**Бюст на могиле
Н. М. Ядринцева в
Барнауле**

¹² Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 123.

¹³ ЛНС. Т. 4. С. 209.

¹⁴ Там же. С. 210.

¹⁵ Там же. С. 210, 211.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 02-01-00344а)

когда-то в русскую национальную идею и славянофильский идеал, но славянофильство с последними могикинами, Аксаковым и Самаринным, отжило свой век; нео-славянофильство в русской печати даже не славянофильство, а глупое самодовольство, поощрение всяких предрассудков и презрение к другим народностям, исходящее не из силы, а из невежества, свойственного варварским нациям. Русское западничество и стремление к европеизму также потерпело крушение со времени реакции 60-х годов»¹⁶.

В силу этих обстоятельств для Европы Россия превратилась в восточную деспотию, а текущее состояние ее — «это эпоха застоя, разложения и внутреннего и внешнего бессилия. Если можно выразить одним словом положение России, то это слово будет — «ничтожество». Такова она для Европы, такова для всякого образованного человека»¹⁷.

Далее Ядринцев перечисляет грубые просчеты самодержавия прежде всего по национальному вопросу — русификация, уничтожение национальных культов, пренебрежительное отношение к западной культуре, хотя она «была делом общечеловеческим и мировым. Другой нет культуры и цивилизации». Критики подвергается политическая система, правящее сословие, православное духовенство, внутренняя политика и произвол властей¹⁸.

Памфлет завершается прорицанием близкого краха самодержавной России не вследствие внутренних социальных потрясений, а внешнего конфликта. «Тяжко будет тогда, когда европейские друзья подкараулят Россию и заметят все ее слабые стороны, когда обнаружится все ее политическое ничтожество. Англия, Германия и теперь зорко следят за тем, что плохо привязано к России. Выждут минуту — оторвут Амур, оторвут Остзейский край, Польша сама уйдет. Явится расплата. Кто же будет виноват, что травил и раздражал народности? В пору кровавой войны какой гений спасет Россию, когда все сделано к тому, чтобы задавить жизнь народного духа и таланта. Что сделает жалкий, забитый, лишенный образования народ? В силах ли он будет противостоять просвещенному врагу? Так должна кончиться история этого кажущегося величия. Так совершится урок истории для государства, пренебрегшего законами естественного человеческого развития, отказавшегося от дороги к цивилизации, убившего всякую духовно-нравственную силу своего народа, а потому доведшего себя до ничтожества и позора»¹⁹.

Таким образом, в «Иллюзии величия...» Н. М. Ядринцев, во-первых, пытается подтолкнуть правительство к дальнейшему общению к западной цивилизации, взять его «на испуг», предсказывая очередное военное поражение; во-вторых, констатирует крах народнических иллюзий на особый путь развития России («Идеалисты начали разочаровываться в общине, и вместо общинников появились марксисты»²⁰); в-третьих, предлагает коренным образом пересмотреть национальную политику, отказавшись от ее традиционно имперских составляющих.

¹⁶ Там же. С. 212.

¹⁷ Там же. С. 215, 217, 219.

¹⁸ Там же. С. 224. Там же. С. 211.

¹⁹ Там же. С. 211.

²⁰ Там же.

Н. М. Ядринцев

ПЕЛЬМЕНЬ (1873)

Предок наш любил пельмени
И явил свое желанье
Сделать сам пельмень огромный
Для потомства в назиданье.

Поразил пельмень тот видом
И своей массивной грудой,
Ровно кит заморский, вышел
Он пельменем чудо-юдо.

Как и следует пельменю,
Был он с длинными ушами,
И лежал между Уралом
И Амура берегами.

Не угодно ли откушать? —
Предложил наш предок миру.
Повалил народ российский,
Повалил ко звану пиру.

Благо, был пельмень пшеничный,
Начиненный вдоволь мясом
И пропитанный рассолом,
Резно был подернут маслом.

Стали гости его кушать
Да похваливать от сердца,
Даже жарить принялись,
Посыпая щедро перцем.

Ели три дня и три ночи,
Говоря: «какая туша!».
Ели много, ели жадно,
Не могли, однако, скушать!

Жидковаты они были,
Не хватило у них духу,
Тот пельмень мог уместиться
Лишь купцам сибирским в брюхо

Но на пире этом званом
Только избранные были,
А сибирские желудки
Почему-то позабыли.

